

СОВЕТ ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЙ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ КООРДИНАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СССР¹

Метель Ольга Вадимовна

Омский государственный университет,

Омск, Россия;

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия

olgametel@yandex.ru

Аннотация. Целью данной статьи является реконструкция процесса становления системы координации научной работы в СССР, представленная сквозь призму истории Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик Академии наук СССР. В рамках данной статьи автор останавливается на первых годах деятельности данной структуры, анализируя историю Совета в 1945–1955 гг. Актуальность данной проблематики обусловлена, с одной стороны, ее значимостью для понимания механизмов функционирования науки в масштабах СССР, а, с другой, ее недостаточной изученностью отечественными и зарубежными специалистами. Источниковую базу настоящего исследования составили отчеты Академии наук СССР, опубликованные в виде отдельных изданий, делопроизводственные документы, отложившиеся в нескольких фондах Архива РАН, материалы научной периодики и др. Автор приходит к выводу, что к середине 1950-х гг. в СССР сложилось два подхода к определению основного содержания координационной деятельности: она понималась как информирование о работах коллег или субординация, позволявшая распределять ресурсы в условиях плановой экономики. Совет же по координации, по мнению автора, играл важную роль в утверждении первого из названных подходов.

Ключевые слова: Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик, Академия наук СССР, координация научной работы, комиссии по координации, советская наука, инфраструктура науки.

---

¹ Исследование проводилось при поддержке РНФ, проект № 20-78-10095.

THE COUNCIL FOR THE COORDINATION OF SCIENTIFIC ACTIVITIES OF ACADEMIES SCIENCES OF THE UNION REPUBLICS AND THE FORMATION OF THE COORDINATION OF THE SCIENCE IN USSR

Metel Olga V.

Omsk State University,

Omsk, Russia;

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia

olgametel@yandex.ru

Abstract. The purpose of this article is to reconstruct the process of formation of the system for coordinating scientific work in the USSR, presented through the prism of the history of the Council for the Coordination of Scientific Activities of the Academies of Sciences of the Union Republics of the USSR Academy of Sciences. Within the framework of this article, the author dwells on the first years of the activity of this structure, analyzing the history of the Council in 1945–1955. The relevance of this problem is due, on the one hand, to its importance for understanding the mechanisms of the functioning of science on the scale of the USSR, and, on the other hand, to its insufficient knowledge by domestic and foreign specialists. The source base of this study was the reports of the Academy of Sciences of the USSR, published in the form of separate publications, office documents deposited in several funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences, materials of scientific periodicals, sources of personal origin, etc. The author comes to the conclusion that by the mid-1950s. In the USSR, there were two approaches to defining the main content of coordination activities: it was understood as informing colleagues about the work or subordination, which made it possible to allocate resources in a planned economy. The Council for Coordination, in the opinion of the author, played an important role in approving the first of these approaches.

Keywords: the Council for the Coordination of the Scientific Activities of the Academies of Sciences of the Union Republics, the Academy of Sciences of the USSR, the coordination of scientific work, the coordination commissions, the Soviet science, the science infrastructure.

Цитирование: Метель О.В. Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик и формирование системы координации научных исследований в СССР // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 4. С. 46–59. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-46-59 / Metel O.V. The Council for the Coordination of Scientific Activities of Academies sciences of the Union republics and the Formation of the Coordination of the Science in USSR, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2022. No. 4. Pp. 46–59. DOI 10.18522/2500-3224-2022-4-46-59.

© Метель О.В., 2022

На протяжении последних трех десятилетий отечественные исследователи неоднократно обращались к изучению феномена советской науки, рассматривая как общие направления развития научного поля в СССР, так и отдельные аспекты его функционирования [Узбекова, 2009; Долгова, 2020]. Результаты, полученные ими при работе с широким кругом источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот именно в постсоветский период [Долгова, 2022], безусловно, обладают серьезной значимостью для отечественной науки, раскрывая общие механизмы функционирования научных институтов в СССР. Однако, несмотря на очевидные успехи в исследовании интересующего нас феномена, немало сюжетов, имеющих важное значение для понимания истории советской науки, все же оставались вне поля зрения специалистов. Так, в частности, отечественные исследователи практически не рассматривали многие аспекты, связанные с особенностями развития региональной и республиканской науки, обращаясь преимущественно к материалам Москвы и Ленинграда [Долгова, 2020]. Но, между тем, научная инфраструктура была развита в СССР весьма широко, и понимание общей специфики функционирования советской науки просто невозможно представить без обращения к региональным данным, причем анализируемым не в рамках отдельного кейса, а интегрированным в общую концептуальную рамку советского «научного строительства». Способы решения подобной задачи, безусловно, могут быть различными, и именно поэтому в рамках настоящей статьи мы попробуем остановиться лишь на одном из них и обратить внимание читателей на феномен координации научной деятельности советских научно-исследовательских, образовательных и иных учреждений, функционировавших на территории РСФСР и в союзных республиках.

В целом потребность в координации научной работы советских научных институций была обусловлена общим вектором научно-технического развития страны, в рамках которого начиная с 1930-х гг. шел активный процесс «научного строительства», т.е. создания научно-исследовательских и научно-образовательных учреждений за пределами Москвы и Ленинграда. И хотя первые шаги в этом направлении были сделаны еще в дореволюционный период и первые послереволюционные годы [Организация науки в первые годы..., 1968, с. 191–199], именно рубеж 1920–1930-х гг., связанный с принятием руководством Академии наук СССР нескольких решений о развитии сети исследовательских учреждений на местах [Волгин, 1931, с. 4; Ферсман, 1931], традиционно воспринимался и современниками, и последующими поколениями исследователей как переход к широкому «научному освоению» отдаленных территорий страны [Беляев, Пышкова, 1979, с. 174]. После окончания Великой Отечественной войны, приведшей к эвакуации многих исследовательских институтов и вузов и их временному размещению в восточных районах страны, подобный процесс только усилился, и к 1951 г. в СССР насчитывалось уже 10 республиканских академий наук [Беляев, Пышкова, 1979, с. 200]. Такой мощный рост региональной науки отчетливо обозначил перед руководством научно-технического «фронта» проблему поиска путей координации исследовательской деятельности столичных и региональных научных центров. Ведь в условиях плановой советской

экономики параллелизм в работе научных учреждений хотя и мог восприниматься отдельными авторами в качестве «полезного» явления, способствовавшего развитию «плодотворного... соревнования, обогащающего конечные результаты исследования» [Бухарин, 1931, с. 23], все же казался большинству организаторов науки нежелательным явлением, ведущим к бессмысленному расходованию ресурсов.

Именно поэтому советские лидеры так настойчиво отмечали необходимость организации общей системы координации научно-исследовательской деятельности в масштабах СССР. И главным координационным центром в этих условиях ожидаемо должна была стать Академия наук СССР, получившая еще в 1930 г. статус «высшего научного учреждения Союза ССР» и функции координации «в главном и основном своей работы с работами других научно-исследовательских учреждений Союза ССР» и распространения «влияния теоретических достижений и на практическую работу учреждений и организаций Союза» [Уставы..., 1974, с. 130]. Первым серьезным шагом Академии в этом направлении, вероятно, можно считать создание Комиссии по базам, появившейся в ее составе в 1931 г., после начала формирования системы филиалов и баз на местах. В 1935 г. эта Комиссия была преобразована в Комитет по заведыванию филиалами и базами Академии наук СССР, а затем – в Совет филиалов и баз Академии (1942 г.). Функции этих организационных единиц, безусловно, различались. Так, если Комиссия по базам скорее напоминала прежние академические комиссии 1920-х гг. (например, Комиссию по научным экспедициям [Юсупова, 2013]), определяя общее направление процесса организации новых учреждений на местах, то Совет филиалов и баз уже преимущественно координировал их работу, информируя сотрудников «головных» институтов о деятельности коллег из других городов.

Однако по мере развития филиалов и баз АН СССР, которые, по словам В.П. Волгина, к концу 1930-х гг. перестали быть «местом остановки» ученых по пути в экспедицию и превратились в «крупные научные образования» [Отчет о работе..., 1939, с. 19], перед академическим руководством и местными политическими элитами встал вопрос об их преобразовании в самостоятельные республиканские академии. Первой в этом ряду оказалась Академия наук Грузинской ССР, образованная на месте прежнего филиала в феврале 1941 г. [Беляев, Пышкова, 1979, с. 197]. И в дальнейшем, как мы уже отмечали выше, этот процесс принял необратимый характер, затронув все союзные республики. В результате в марте 1945 г. специальным постановлением Совнаркома [Совет по координации...] в структуре АН СССР был создан специальный Совет по координации научной деятельности республиканских академий наук (далее – Совет по координации), которому предстояло осуществлять организацию совместной работы республиканских академических учреждений СССР, оставив функции координации деятельности филиалов и баз прежнему специализированному Совету. Правда, к работе новый орган приступил лишь год спустя, в марте 1946 г., когда его председателем стал президент АН СССР С.И. Вавилов, а в состав вошли вице-президент АН СССР В.П. Волгин, управляющие

кадрами и делами АН СССР, президенты республиканских академий наук и др. [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 9, л. 1].

В отечественной и зарубежной историографии о деятельности интересующего нас Совета известно немного. Обобщающие издания советского периода акцентировали внимание читателей преимущественно на внешних свидетельствах общего роста числа научных учреждений в СССР, тогда как проблема их взаимодействия между собой и с московскими академическими структурами уходила на второй план или не рассматривалась вовсе [Беляев, Пышкова, 1979]. В современной отечественной историографии проблема взаимодействия столичных и региональных научных институций также не является популярной и рассматривается преимущественно сквозь призму центр-периферийной модели организации научного пространства, которая не всегда ставит вопрос об инструментах взаимодействия научных центров [Узбекова, 2009]. Точно также мы не сможем получить сведения об интересующем нас сюжете в большинстве изданий, посвященных истории республиканских академий. Ведь традиционно они фиксируют страницы «славного прошлого» институции и постулируют ее связи с головными учреждениями [Академия наук Казахской ССР..., 1978; Токарев, 2016]. Между тем изучение деятельности Совета по координации дает возможность иначе взглянуть на механизмы работы советской науки, показав особенности формирования иерархической системы советской науки [Иванов, 2001] и утверждения общего вектора организации научных исследований в регионах РСФСР и в союзных республиках.

Однако в рамках настоящей статьи мы не ставили перед собой столь масштабных задач. Напротив, цель данного исследования весьма скромна. Так, мы хотели бы представить на суд читателя опыт реконструкции основных направлений деятельности Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик в первый период его истории, в 1945–1955 гг., обозначив основные линии взаимодействия и «точки напряжения» во взаимоотношениях центральной и республиканской академической науки в СССР в указанный временной период. Для решения этой задачи мы располагаем комплексом делопроизводственных и иных документов, отложившихся в Архиве Российской академии наук и характеризующих основные направления деятельности Совета по координации (стенограммы заседаний, планово-отчетные материалы и др.) [АРАН, ф. 591, оп. 1–2]. Безусловно, как и документы университетских архивов [Биографии университетских..., 2017, с. 14–16], эти источники обладают серьезной спецификой и фиксируют преимущественно «бумажный образ» академической науки союзных республик, отразившийся в многочисленных формализованных отчетах академий. Однако наряду с планово-отчетной документацией в указанном фонде отложилось немало стенограмм заседаний Совета по координации, которые, несмотря на особенности организации процесса стенографирования речей участников, на наш взгляд, отражают различные мнения о механизмах реализации координационной политики в СССР и отчетливо демонстрируют сложности, возникавшие при их согласовании. Схожими информационными возможностями, думается, обладают и материалы

переписки республиканских академий с АН СССР, также отложившиеся в названном фонде.

Работая при подготовке данной статьи преимущественно с названными документами, мы, безусловно, осознавали необходимость дальнейшего расширения источниковой базы. Однако на данном этапе исследования поиски в этом направлении серьезных успехов не принесли. И, несмотря на отдельные упоминания Совета в документах различных академических центров (к примеру, Отделения исторических наук АН СССР) и научной периодике, мы не нашли сведений о нем в источниках личного происхождения, принадлежавших перу советских ученых, и др. Причем, если говорить о последних из названных текстов, то в опубликованных и доступных для широкого круга читателей дневниках С.И. Вавилова нет никаких данных о конкретных событиях академической жизни Москвы и Ленинграда второй половины 1940-х гг., и при работе с ними исследователь может реконструировать лишь внутреннюю трагедию советского физика, ощущавшего бессмысленность ежедневной «машинной жизни» и бесконечных заседаний [Вавилов, 2012, с. 301–302]. В результате мы полагаем, что предпринятое нами исследование является первым шагом на пути реконструкции истории Совета по координации, и в дальнейшем оно может быть продолжено благодаря введению в научный оборот новых источников, более детально характеризующих реакцию научного сообщества союзных республик на попытки координации их деятельности из Москвы.

В целом, как мы уже говорили выше, начало работы Совета по координации можно отнести к марту 1946 г., когда в Москве прошло первое заседание данного органа. Его организационный характер в первые годы работы был определен недостаточно твердо. Так, с одной стороны, Совет был образован при Общем собрании Академии наук СССР, включал в свой состав официальных лиц московской и республиканских академий и оказывал «помощь в согласовании различных вопросов» [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 53, л. 1], что могло свидетельствовать о нерегулярном и консультационном характере его деятельности. Недаром в октябре 1946 г. С.И. Вавилов прямо отмечал, что Совет все еще не был оформлен и представлял собой «математическую точку» [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 58]. Однако далеко не все представители Совета по координации были согласны с таким положением дел, и к концу 1940-х гг. его ученый секретарь писал С.И. Вавилову о «ненормальном» положении Совета, не имевшего ни собственного аппарата управления, ни отдельного помещения в зданиях АН СССР [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 68, л. 151], одновременно настаивая на создании твердого аппарата управления Совета по координации и предоставлении в его распоряжение технических сотрудников (стенографистки) [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 68, л. 152]. Казавшийся вполне логичным и оправданным в контексте формирования аппарата Академии наук СССР, подобный подход, однако, не встречал сочувствия у многих представителей Совета на местах. И делегаты на собраниях неоднократно отмечали, что сначала необходимо определиться с направлениями работы координационного органа, а потом уже формировать его штаты [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 51, 58].

Однако определиться с содержанием процесса координации научной работы академий наук союзных республик во второй половине 1940-х гг. советским ученым было непросто. Формально общие принципы координационной деятельности были определены С.И. Вавиловым, В.П. Волгиным и некоторыми другими представителями высшего академического руководства, неоднократно отмечавшими в своих официальных выступлениях, что «товарищеская помощь» республиканским академиям являлась «нравственной обязанностью» и «большевистским долгом» сотрудников АН СССР [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 24; АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 68, л. 60]. Но конкретные формы выражения подобной «товарищеской помощи» ими определены не были, и в 1947 г. тот же В.П. Волгин настаивал на том, что Академия наук СССР может давать лишь «товарищеские советы» своим коллегам из республиканских институтов [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 22, л. 4].

С точки зрения руководителей центральных академических учреждений, подобный подход к процессу координации в целом был оправдан. В первые послевоенные годы АН СССР столкнулась с немалыми материальными и организационными сложностями и не располагала необходимыми ресурсами, которые могли бы ей позволить наладить «товарищескую помощь» коллегам из союзных республик. Недаром на одном из заседаний Совета по координации в 1946 г. И.В. Зубов прямо указывал своим коллегам на местах, что «оперативной помощи от нас [представителей Академии наук СССР. — *О.М.*] ждать не следует» [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 30]. Более того, даже консультации и рецензирование планов и отчетов институтов республиканских академий отнимали у московских ученых немало времени и нередко воспринимались ими в качестве дополнительной обязанности, не включенной в основной план работы сотрудника, но требовавшей от него серьезных временных затрат.

Однако представители республиканских академий иначе смотрели на проблему определения содержания процесса координации их деятельности. Если исходить из данных стенограмм заседаний Совета по координации, то во второй половине 1940-х гг. они, в отличие от своих столичных коллег, настаивали на решении текущих проблем республиканской науки при помощи Академии наук СССР. К числу таковых, в частности, относились вопросы материального обеспечения научного поиска (реактивы, оборудование, научная литература и др.), проблемы подготовки кадров для местных научных центров через систему аспирантуры и докторантуры, особенности организации совместных исследований (практика научных стажировок, создание условий для командирования ученых в Москву на длительный срок) и др. [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 47]. И такой подход к координационной деятельности со стороны представителей республиканских академий также был объясним и оправдан. Ведь многие республиканские академии, открывшиеся на месте прежних филиалов и баз, нередко начинали свою работу в весьма сложных условиях, связанных с отсутствием необходимой инфраструктуры и кадрового резерва. Более того, те же стенограммы заседаний Совета сообщают нам, что представители новых академий, отныне получавшие финансирование из бюджетов своих республик,

сталкивались со снижением уровня заработных плат и невозможностью получения необходимых реактивов и оборудования, которое раньше поступало к ним по линии АН СССР [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 8, 31].

Попытки согласования подобных подходов к пониманию феномена «координации» научной работы во второй половине 1940-х гг. ожидаемо не завершились, и разработка механизма реального взаимодействия Академии наук СССР и республиканских академий наталкивалась на диспропорции в развитии поля советской науки и формальные ограничения. Так, в частности, Академия наук СССР просто не могла финансировать республиканские академии и поставлять им оборудование и материалы. Препятствием на этом пути оказывалась различная ведомственная подчиненность данных учреждений, являвшаяся одной из особенностей развития советской науки [Киселев, 2020, с. 395]. Немало сложностей возникало и при организации процесса обучения или прохождения стажировки сотрудниками республиканских академий в Москве. Немаловажным фактором, тормозившим процесс подобного обмена, являлась банальная нехватка помещений и общежитий, где можно было бы разместить приезжих. Недаром, на одном из заседаний Совета по координации, если верить сохранившимся стенограммам, прямо прозвучала мысль о необходимости ходатайствовать перед Президиумом о строительстве специального жилого корпуса, где могли бы останавливаться командированные в Москву научные сотрудники [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 11, л. 47]. Однако не менее значимым фактором, тормозившим «академическую мобильность» и координационную работу АН СССР, оказывался разрыв в уровне подготовки столичных и региональных коллег, особенно ярко проявлявшийся при организации обучения аспирантов. Как свидетельствуют материалы переписки Совета по координации с коллегами на местах, московские ученые неоднократно подчеркивали, что многие аспиранты и докторанты, прикомандированные к головным московским институтам, не имели необходимого уровня образования: они демонстрировали недостаточное знакомство с предметом своих научных изысканий и элементарное знание иностранных языков [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 68, л. 102–107]. В результате, учитывая сказанное, для представителей АН СССР вопрос об эффективном сотрудничестве с коллегами на местах оставался открытым.

Однако препятствия для реальной координации возникали и со стороны представителей республиканских академий. Последние, в частности, критиковали координацию, являвшуюся в обличье субординации и создававшую парадоксальные сбои в статусной организации советской науки [Долгова, 2020], когда, к примеру, работу академика из национальной республики оценивал рядовой научный сотрудник московского института [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 22, л. 11]. Своеобразным проявлением субординации являлось и стремление представителей научного сообщества неофициально зафиксировать специализацию каждого конкретного учреждения, которое должно было заниматься разработкой определенной и закрепленной за ним тематики. Если обратиться к примеру советской исторической науки, то именно во второй половине 1940-х гг. в ее поле формируется ситуация,

когда профильные институты республиканских академий должны были ориентироваться на изучение преимущественно местной тематики, тогда как наиболее общие проблемы исторической науки передавались в ведение «головных» московских институтов. Весьма красноречиво об этом переходе к разработке местных проблем свидетельствуют письма известного советского востоковеда Н.М. Никольского, являвшегося в это время директором Института истории Академии наук БССР. Как писал в 1947 г. белорусский ученый своему московскому коллеге А.Б. Рановичу, Президиум Академии наук БССР, получив критические замечания со стороны ЦК ВКП(б), «предложил ни больше ни меньше как постепенно снять с работы всех (4) работников по древней истории и заменить их работниками по истории БССР» [Абрам Борисович Ранович..., 2018, с. 129]. В целом такой подход не только соответствовал центр-периферийной модели организации советской науки, но и имел под собой практические основания, связанные с тем, что у исследователей «на местах» был доступ к необходимым историческим источникам. И хотя в дальнейшем такая вынужденная специализация стала органичной частью советской научной системы, во второй половине 1940-х гг. у сотрудников республиканских академий этот принцип вызывал некоторые вопросы.

В результате, учитывая сказанное, становится понятным, почему именно во второй половине 1940-х гг. процесс координации научной работы в СССР фактически приобрел характер информирования коллег о положении дел в том или ином научно-исследовательском центре, а Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик стал органом информационного характера. И даже создание аппарата управления Совета в целом не изменило эту ситуацию: его сотрудники продолжали проводить в Москве несколько раз в год общие заседания, на которые приглашались представители республиканских академий, сообщавшие о проделанной работе, публиковали материалы о деятельности академий наук союзных республик, пересылали планово-отчетные документы специалистам в той или иной области и выполняли иную информационную или посредническую деятельность. Недаром в фонде Совета по координации в Архиве РАН отложились преимущественно отчетные документы республиканских академий.

Столь очевидный крен в сторону «безопасного» прочтения координации как информирования о работе коллег (при сохранении, однако, базовых субординационных элементов) был продиктован и другими обстоятельствами, отчетливо проявившимися в работе Совета. С одной стороны, не стоит забывать, что Совет по координации не имел строго закрепленных полномочий и было неясно, как и от кого он может требовать проведения в жизнь принятых решений. Проанализированные нами стенограммы показывают, что собравшиеся нередко выступали с предложениями обратиться к Президиуму для решения того или иного вопроса или рекомендовать последнему предпринять конкретный шаг для устранения возникшей проблемы [АРАН, ф. 591, оп. 1, д. 22, л. 72]. Однако в то же время мы не можем не обратить внимание на тот факт, что в первой половине 1950-х гг. в условиях экстенсивного роста и институционального развития советской науки перед руководителями

«научного фронта» была отчетливо поставлена задача поиска таких координационных инструментов, которые могли бы обеспечить эффективную кооперацию специалистов, работавших в рамках одной предметной области. Но достичь ее оказывалось возможным лишь благодаря изменению форм и направлений координационной деятельности АН СССР и академий наук союзных республик, а именно благодаря созданию специализированных научных советов, действовавших при Отделениях АН СССР, или проведению совместных исследований специалистами республиканских академий, находившихся в непосредственной территориальной близости (академии наук закавказских, среднеазиатских или прибалтийских республик). Но в таких условиях деятельность «универсального» Совета по координации становилась во многом избыточной и, как свидетельствуют материалы работы координационных совещаний Отделения исторических наук, сводилась к выполнению посреднических функций [АРАН, ф. 457, оп. 1–1952, д. 255, л. 22; АРАН, ф. 457, оп. 1–1953, д. 273, л. 88–89]. Недаром в конце 1980-х гг., на волне перестройки, советские ученые вынуждены были признать общую неэффективность координационной работы предшествующих десятилетий и заявить о масштабной реорганизации координационных структур АН СССР [О Совете по координации..., 1987].

Завершая данную статью, мы, безусловно, должны указать на необходимость дальнейшего изучения как работы Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик, так и общей системы координации научных исследований, функционировавшей в СССР в 1940–1980-е гг. Однако даже столь ограниченный материал, который был нами представлен в настоящем тексте, позволяет сделать некоторые любопытные наблюдения, заставляющие нас иначе подойти к реконструкции общих механизмов координационной деятельности, характерных для советской науки, и поставить общую проблему содержания термина «координация» применительно к тому или иному периоду советской истории. Ведь, как отчетливо свидетельствует пример первых лет работы Совета по координации, разрыв между декларативной и реальной работой некоторых академических институций мог быть весьма существенным, а намерения участников и возможности для проведения в жизнь принятых решений – не совпадающими. Вероятно, именно поэтому в условиях очевидных противоречий между проектами координационной деятельности, характерными для представителей республиканских академий и Академии наук СССР, координация, воспринимавшаяся первоначально как информирование и/или субординация, становится пустотным понятием, а реальная совместная исследовательская деятельность представителей различных научно-исследовательских коллективов осуществляется нередко через неофициальные структуры.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абрам Борисович Ранович: документы и материалы. Под ред. С.Б. Криха; сост., предисл. и примечания А.И. Ключев, О.В. Метель. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2018. 263 с.
- Академия наук Казахской ССР: Обзор деятельности. Сост. А.К. Куванышев, И.И. Маляр. Алма-Ата: Наука, 1978. 175 с.
- Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 457. Оп. 1–1952. Д. 255.
- РАН. Ф. 457. Оп. 1–1953. Д. 273.
- РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 9.
- РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 22.
- РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 53.
- РАН. Ф. 591. Оп. 1. Д. 68.
- Беляев Е.А., Пышкова Н.С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР (исторический очерк). М.: Наука, 1979. 246 с.
- Биографии университетских архивов. Под ред. Е.А. Вишленковой, К.А. Ильиной и В.С. Парсамова. М.: ВШЭ, 2017. 300 с.
- Бухарин Н.И.* О планировании научно-исследовательской работы // *Вестник Академии наук СССР*. 1931. № 1. С. 13–24.
- Вавилов С.И.* Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Сост. В.В. Вавилова; отв. ред. В.М. Орел. М.: Наука, 2012. Кн. 2: 1920, 1935–1951. 605 с.
- Волгин В.П.* Московская сессия Академии наук // *Вестник Академии наук СССР*. 1931. № 5. С. 1–6.
- Долгова Е.А.* Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 469 с.
- Долгова Е.А.* Конспект слушателя Института Красной профессуры: источник и исследование. М.: РГГУ, 2022. 469 с.
- Иванов К.В.* Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // *Вестник Российской Академии наук*. 2001. Т. 71. № 2. С. 99–113.
- Киселев М.А.* «Регулярное» государство Петра I в сталинской России: Судьбы историков права в контексте научных и идеологических баталий советского времени. СПб.: Нестор-История, 2020. 432 с.
- О Совете по координации научной деятельности академий наук // *Вестник Академии наук СССР*. 1987. № 5. С. 3–5.
- Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): сборник документов. Под ред. К.В. Островитянова и др.; сост. М.С. Бастракова и др. Л.: Наука, 1968. 420 с.
- Отчет о работе Академии наук СССР за 1939 г. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 168 с.

Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик Академии наук СССР. URL: <https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=8BC8C531-1898-8A5D-4136-00AAD32D2C9F&ida=1&str=591/> (дата обращения – 16 февраля 2022 г.).

Токарев Н.В. Академия наук Белорусской ССР: годы восстановления и развития (1945–1991). Минск: Белорусская наука, 2016. 266 с.

Узбекова Ю.И. «Центр» и «периферия» в развитии академической науки в восточных регионах страны в XX веке: автореф. дис. ... к.и.н., 07.00.10. Томск, 2009. 23 с.

Уставы Академии наук СССР. Под ред. Г.К. Скрябина; сост. А.А. Богданова и др. М.: Наука, 1974. 210 с.

Ферсман А.Е. Неотложная задача Академии наук. К вопросу о научных станциях на местах // *Вестник Академии наук СССР*. 1931. № 5. С. 8–12.

Юсупова Т.И. Комиссия по научным экспедициям Академии наук (1921–1930 гг.) // *Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках: Исторические очерки*. Под ред. Ю.М. Батурина и др. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 323–344.

REFERENCES

Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy [Abram Borisovich Ranovich: documents and materials]. Omsk: Izd-vo Om. gos. un-ta, 2018. 263 p. (in Russian).

Akademiya nauk Kazakhskoi SSR: Obzor deyatelnosti [The Academy of Sciences of the Kazakh SSR: the Information about Activity]. Alma-Ata: Nauka, 1978. 175 p. (in Russian).

Archive of the Russian Academy of Sciences (ARAN). F. 457. Inv. 1–1952. D. 255.

ARAN. F. 457. Inv. 1–1953. D. 273.

ARAN. F. 591. Inv. 1. D. 9.

ARAN. F. 591. Inv. 1. D. 22.

ARAN. F. 591. Inv. 1. D. 53.

ARAN. F. 591. Inv. 1. D. 68.

Belyaev E.A., Pyshkova N.S. *Formirovanie i razvitie seti nauchnykh uchrezhdenii SSSR (istoricheskii ocherk)* [The Formation and the Development of the Network of the Scientific Institutions of the USSR (the Historical Essay)]. Moscow: Nauka, 1979. 246 p. (in Russian).

Biografii universitetskikh arkhivov [the Biographies of the Archives of the Universities]. Moscow: VShE, 2017. 300 p. (in Russian).

Bukharin N.I. O planirovanii nauchno-issledovatel'skoi raboty [About the Planning of Research Work], in *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1931. No. 1. Pp. 13–24 (in Russian).

Vavilov S.I. *Dnevnik, 1909–1951: v 2 kn.* [Diaries, 1909–1951]. Moscow: Nauka, 2012. Vol. 2: 1920, 1935–1951. 605 p. (in Russian).

Volgin V.P. Moskovskaya sessiya Akademii nauk [Moscow session of the Academy of Sciences], in *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1931. No. 5. Pp. 1–6 (in Russian).

Dolgova E.A. *Rozhdenie sovetskoi nauki: uchenye v 1920–1930-e gg.* [The Birth of Soviet Science: Scientists in the 1920s–1930s.]. Moscow: RGGU, 2020. 469 p. (in Russian).

Dolgova E.A. *Konspekt slushatelya Instituta Krasnoj professury: istochnik i issledovanie* [Student's summary of the Institute of the Red Professorship: source and research]. Moscow: RSUH, 2022. 469 p.

Ivanov K.V. *Kak sozdavalsya obraz sovetskoi nauki v poststalinskom obshchestve* [How the image of Soviet science was created in the post-Stalin society], in *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk*. 2001. Vol. 71. No. 2. Pp. 99–113 (in Russian).

Kiselev M.A. *“Regulyarnoe” gosudarstvo Petra I v stalinskoj Rossii: Sud’by istorikov prava v kontekste nauchnykh i ideologicheskikh batalii sovetskogo vremeni* [The “Regular” State of Peter I in Stalin's Russia: The Fate of Historians of the Law in the Context of Scientific and Ideological Battles of the Soviet era.]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 432 p. (in Russian).

O Sovete po koordinatsii nauchnoi deyatel'nosti akademii nauk [On the Council for the Coordination of Scientific Activities of the Academies of Sciences], in *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1987. No. 5. Pp. 3–5 (in Russian).

Organizatsiya nauki v pervye gody sovetskoi vlasti (1917–1925): sbornik dokumentov [Organization of science in the first years of Soviet power (1917–1925): collection of documents]. Leningrad: Nauka, 1968. 420 p. (in Russian).

Otchet o rabote Akademii nauk SSSR za 1939 g. [The Report on the Work of the Academy of Sciences of the USSR for 1939]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. 168 p. (in Russian).

Sovet po koordinatsii nauchnoi deyatel'nosti akademii nauk soyuznykh respublik Akademii nauk SSSR [The Council for the Coordination of Scientific Activities of Academies sciences of the Union republics of the Academy of Science of USSR]. Available at: <https://isaran.ru/?q=ru/fund&guid=8BC8C531-1898-8A5D-4136-00AAD32D2C9F&ida=1&str=591/> (accessed 16 February 2022).

Tokarev N.V. *Akademiya nauk Belorusskoi SSR: gody vosstanovleniya i razvitiya (1945–1991)* [The Academy of Sciences of the Byelorussian SSR: the Years of the Restoration and the Development (1945–1991)]. Minsk: Belorusskaya nauka, 2016. 266 p. (in Russian).

Uzbekova Yu.I. *“Tsentri” i “periferiya” v razvitii akademicheskoi nauki v vostochnykh regionakh strany v XX veke* [“Center” and “Periphery” in the Development of Academic Science in the East Regions of the Country in the Twentieth Century]. Tomsk, 2009. 23 p. (in Russian).

Ustavy Akademii nauk SSSR [The Statutes of the Academy of Sciences of the USSR]. Moscow: Nauka, 1974. 210 p. (in Russian).

Fersman A.E. *Neotlozhnaya zadacha Akademii nauk. K voprosu o nauchnykh stantsiyakh na mestakh* [The Urgent Task of the Academy of Sciences. On the Issue of Scientific Stations in the Field], in *Vestnik Akademii nauk SSSR*. 1931. No. 5. Pp. 8–12 (in Russian).

Yusupova T. I. *Komissiya po nauchnym ekspeditsiyam Akademii nauk (1921–1930 gg.)* [Commission on Scientific Expeditions of the Academy of Sciences (1921–1930)], in *Komissii Akademii nauk v XVIII–XX vekakh: Istoricheskie ocherki* [Commissions of the Academy of Sciences in the 18th–20th centuries: Historical essays]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. Pp. 323–344 (in Russian).

Статья принята к публикации 14.11.2022 г.